

Дворниченко А. Ю.

Г. В. Вернадский — исследователь Киевской Руси

В начале уместно напомнить читателю, что «Киевская Русь» — это научный термин для обозначения истории восточных славян в IX — начале XIII вв. В мировой историографии не так много трудов под таким названием, т.к. сам термин получает хождение лишь в XX столетии. Это несколько книг в советской науке, есть ещё две в эмигрантской историографии. Одна из них принадлежит перу Георгия Владимировича Вернадского. Если к этой книге присовокупить ещё с пяток книг с другим названием, да несколько десятков статей, да учесть не только количество, но и качество, то вклад историка в изучение этой темы станет ясен — он, если следовать модному сейчас поветрию выстраивать рейтинги, находится в топ-пять или топ-десять. При этом написано о взглядах Вернадского досадно мало. В российской историографии в последнее время наблюдается явный крен в изучение евразийства, где работы Вернадского являются составной частью. И главной работой остаётся соответствующий раздел в журнальной «минимONOграфии» американского историка Чарльза Гальперина¹. При всём уважении к этому славному историку, я во многом с ним не согласен. К тому же того, что он написал о Вернадском, явно для нас недостаточно...

Ясно, что в одной статье охарактеризовать достижения Вернадского в этой области практически невозможно. Можно лишь наметить основной вектор мысли Вернадского (для краткости буду называть его просто Историк), поисковой активности в этой сфере. Прежде чем Киевская (Древняя) Русь стала любимой темой Историка, он подступал к ней то с одной, то с другой стороны. В первых своих работах Историк вставляет Киевскую Русь в евразийский контекст. Он пишет о движении на восток, которое является одним из основных направлений русской колонизации. Как германское племя пошло на запад, так русское на восток. Историк видит здесь какой-то «первичный процесс в отношении народа к территории». Однако русское общество киевской эпохи не в состоянии было создать сильное, строго организованное государство. Причины те же, что и на Западе: феодализация общества, преобладание центробежных мелко-княжеских и на юго-западе уже боярских сил над центростремительными. Вот почему итогом стало ослабление, опустение Киевщины, отлив населения².

В первом своём манифесте евразийства³ и в последующих работах он старается найти место Киевской Руси в схеме сменяющих друг друга глобальных

¹ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden. 1985. Bd. 36. P. 55–194.

² Вернадский Г. В. О движении русских на восток (из вступительной лекции, читанной в Санкт-Петербургском университете 2 ноября 1913 г.) // Научный исторический журнал, издаваемый под ред. проф. Н. И. Кареева. 1913. № 1. С. 52–54.

³ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2008 (первое издание — Прага, 1927).

евразийских государств, делая упор именно на политогенез. Я об этих его работах писал⁴, и повторяться мне не хочется. Можно было бы назвать эти работы схоластическими и схематическими, если бы не блестящие «Звенья русской культуры», в которых получили отражение практически все грани древнерусского экономического, политического, культурного бытия. Эта работа, написанная в 1934 г.⁵, характеризуется двумя важнейшими качествами — две стороны одной медали — она наследует лучшие традиции «дореволюционной» исторической науки и этим выгодно отличается от советской науки, в это время всё больше погружавшейся в начётничество и в тот самый схематизм.

В экспатриации, как сам Историк называл свою вынужденную эмиграцию из России, он подбирался к истории Киевской Руси и с другой стороны — от истории Византии, которой страстно (а он всё так делал) увлёкся в Афинах⁶.

Уже в США вышли такие его труды, как «История России» и «Политическая и дипломатическая история России»⁷. Работы эти в основном носили познавательный характер. Так, «История России» («короткий Вернадский», как называли его студенты) на долгие годы стал учебником в англо-саксонских странах. Во второй книге, которая практически неизвестна в России (кстати, это первая книга, которую Историк написал на английском языке) рассмотрены политические и «дипломатические» отношения в Киевской Руси. Концепция Историка восходит к его прежним евразийским воззрениям: Киевская Русь — западная Евразия, историю которой он делит на шесть периодов: 860–972, 972–1054, 1054–1113, 1113–1155, 1155–1203, 1203–1240. Историк рассмотрел все перипетии политической жизни столь подробно, что даже удостоился в связи с этим критики в свой адрес⁸. В целом с критическим запалом рецензента трудно согласиться, но кое в чём он был, на мой взгляд, прав. Историк допускал некоторую модернизацию древнерусской истории, использовал такие понятия, как «революция», «буржуазия» и проч. Хотя, объективности ради, надо сказать, что в основе подхода лежала старая и добротная концепция истории Киевской Руси, которую Историк впитал в стенах двух ведущих российских университетов: Московского и Петербургского.

Важнейшим трудом Вернадского, который был задуман в соавторстве с М. М. Карповичем, стала знаменитая «История России», пять томов которой (последний — в двух книгах) стали выдающимся вкладом Историка в мировую науку. Карпович, который должен был хронологически продолжить труд, к сво-

⁴ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. М.: СПб., 2014. С. 365–368.

⁵ Вернадский Г. В. Звенья русской культуры. Ч. I. Выпуск I. Древняя Русь (до половины XV века) // Вернадский Г. В. Опыт русской истории. Звенья русской культуры. М., 2005. С. 110–231.

⁶ Подробно см.: Банников А. В., Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о Византии и о русских в Крыму (в печати).

⁷ Vernadsky G. 1) A History of Russia. Philadelphia, the Blakiston Company, 1944 (первое американское издание — 1929. На русском языке издано в 1997 г. по 6-му изданию 1969 г.); 2) Political and Diplomatic History of Russia. L., 1937.

⁸ Bunyan J. Review [Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia] // American Historical Review. 1936–1937. № 42. P. 708–709.

ей работе приступить так и не успел — неумолимая смерть вырвала его из научных рядов.

Во введении к первому тому Историк отмечал, что освещает наиболее ранний период русской истории вплоть до прихода варягов. При этом он подходил к «раннему периоду не с точки зрения археолога или историка классики (античности — А. Д.), а с позиций историка России: целью было рассмотреть его как органическую часть русской истории». При всём внимании к истории соседей Руси — их история лишь подспорье в изучении именно русской истории⁹. Что же касается первых двух глав, посвящённых «предыстории» и скифскому времени, то Историк предлагал их рассматривать в качестве введения.

Такой подход представляется оправданным, ведь нельзя же историю того или иного народа начинать с какого-то заранее заданного точного момента. Да, собственно, этот подход был уже к тому времени апробирован П. Н. Милюковым и некоторыми другими историками. Этим же путём будут идти и советские коллеги Историка. Со скифов начинал обзор политической истории Киевской Руси Б. Д. Греков. Умственный взор другого академика славной советской эпохи — Б. А. Рыбакова — упирался в рубеж III и II тысячелетий до н.э.¹⁰. Ещё раз повторю, что подход такой полезен, но необходим при этом трезвый рассудок, чувство меры. Сразу хочу сказать, что Историк сумел остаться трезв и сохранить это самое чувство...

Представление о глубине необходимого исторического погружения в случае с Русью у Историка менялось. В «Начертании» он начал со скифов и сарматов. Также он сделал и в первом американском учебном издании. В «Опыте истории Евразии» гранью стала середина VI в., т.к. предыдущий период был освещен в книге Н. П. Толя «Скифы и гунны». В «Древней Руси» насыщенные информацией разделы по «доистории» и скифскому периоду он позиционирует, как «просто введение». Но в «Происхождении Руси» он вновь возвращается к скифской эпохе как времени «происхождения славян»¹¹.

Изучающий русскую историю должен внимательно следить за развитием тенденций в евразийском кочевом мире, поскольку без знания этого развития многие события в истории России никогда не могут быть в достаточной степени поняты и оценены¹². Историк глубоко интересовался этим своеобразным и таким важным кочевым миром, старался проследить влияния кочевников друг на друга, и, что ещё важнее для нас, — влияние кочевников на земледельцев¹³. Он старался понять те причины, которые двигали кочевников на столь дальние расстояния.

⁹ Vernadsky G., Karpovich M. A. History of Russia. Vol. I. Ancient Russia. (Vernadsky G. Ancient Russia). New Haven; London, 1943. P. XIII–XIV (далее: Vernadsky G. Ancient Russia). — «История России» в 90-е гг. прошлого столетия была переведена на русский язык. Однако плохое качество переводов заставляет пользоваться оригиналами.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 14.

¹¹ Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford. At the Clarendon Press. 1959. P. 3.

¹² Vernadsky G. Ancient Russia... P. 64.

¹³ Vernadsky G. Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung // Saeculum, 1951. № 2. P. 340–392. См. также: Vernadsky G. The Eurasian nomads and their impact on medieval Europe (A Reconsideration of the Problem) // Studi Medievali. Serie Terza. Spoleto, 1963. T. IV. P. 34.

Иной раз причиной может служить засуха, в другой — миграция могла быть порождена политическими и военными факторами. Могли произойти изменения внутри племени или группы племён. В любом случае, эти «кочевые империи» не были стабильными. Такое восприятие нашей истории (назовите его «евразийским» или как-то по-другому) наиболее адекватно, да и оптимально.

Книга, которая рождалась из сгустка статей, давала замечательную предысторию Киевской Руси. Оставляя подробный анализ этой части концепции Вернадского для своей книги на эту тему, отмечу главное: история славян буквально вплеталась в широчайший исторический контекст. Тут поневоле вспомнишь советского поэта: «Летели вздыбленные кони, ордой сменялася орда и в этой бешеной погоне боялись отставать года». При этом ещё в начале «Древней Руси» он пишет: «В отношении доисторического фона формирования русского народа мы должны в особенности избегать таких генерализаций как «изначальный панславянский язык» (Ursprache, праязык), который, как предполагается, существовал до разветвления новых славянских языков, или же «изначальная панславянская родина» (Urheimat, прародина), в которой, согласно предположению, предки всех славянских народов начали свою историческую жизнь. Подобные обобщения, не оказывая какой-либо помощи историку, скорее, затемняют вопрос»¹⁴. У Гальперина такой подход вызывает некоторое удивление: и почему это Историк не хочет шагнуть в ногу с другими и находить прародину всех славян в пресловутых припятских болотах¹⁵? А я думаю, что Историк — молодец! Во всяком случае, его концепция ничуть не хуже других...

В концепции упор делается на восточное, прежде всего, иранское влияние, которое испытывали на себе славяне. В рамках данной статьи я не могу анализировать все грани концепции Историка. Отмечу лишь, что многое из того, что он писал в своей книге и статьях, уже подтвердилось на новом уровне исторического знания, а многое, я уверен, найдёт себе подтверждение в будущем.

Историк был страстно увлечён аланами, видел их влияние на многие народы, в том числе и на славян. Ещё ждёт внимательного изучения и опубликования его уникальный курс лекций для студентов эвакуированного из Бельгии Института славянских и восточных исследований, также как и материалы, собранные им в Библиотеке Конгресса по этой теме. Но и по опубликованному ясно, сколь глубоко он познал богатый аланский мир. Вряд ли можно это назвать навязчивой идеей¹⁶, ну разве что в лучшем смысле этого слова. Аланы ведь, без сомнения, великий народ древности.

Современные исследователи пишут как о том, что сейчас можно считать доказанной когда-то «революционную мысль» Э. Шерпентье и Г. В. Вернадского о тождестве усуней-асиан, асов (ясов, осов) и аланов¹⁷, так и то, что анты образовались из смешения славян с иранцами. Как считают археологи, анты представ-

¹⁴ Vernadsky G. Ancient Russia... P. 1; Vernadsky G. The Origins of Russia... P. 2. В «Звеньях» он «с оговорками» считал прародиной восточных славян среднее Поднепровье (Вернадский Г. В. Звенья русской культуры... С. 119).

¹⁵ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism. P. 106.

¹⁶ Ibid. P. 107.

¹⁷ Лысенко Н. Н. Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н. э. — II в. н.э. СПб., 2007. С. 164.

ляли собой смешанное население, причём прослеживаются славянский и алано-болгарский компоненты¹⁸. Историк сильно увлекался и антами, что сближало его с советской исторической наукой. Теперь такое увлечение выглядит некоторым анахронизмом, поскольку анты отошли на задний план.

Впрочем, идеи Историка звучат свежо и касательно других народов. Историк неплохо разобрался в сложнейшей готской проблематике. Во всяком случае, он и сейчас ещё игрок на этом поле. В. П. Буданова с него начинает список участников давнего спора о продвижении готов на юг¹⁹. Одна глава его сочинения так и называется «Готы на Украине». «Украина» в данном случае — современное Историком географическое понятие.

А возьмите славных мадьяр! Такое «возвеличивание» предков современных венгров казалось смешным советским критикам Историка²⁰, но отнюдь не кажется таковым современным историкам (см. статью Цукермана). В общем, тут ещё многое можно сказать в пользу нашего Историка.

Так и добрался Историк до экспансии самого везучего в нашей истории народа — варягов, к которым не зарастает научная тропа. Тонко препарировав исторические источники (византийские хроники, археологические данные, скандинавские саги), Историк рисует следующую картину.

Захватив Верхний Салтов, варяги открыли для себя ворота к донецко-донскому речному пути и вниз к Азовскому морю. В продвижении на юг варягам, должно быть, оказывали большую помощь асы, поселения которых находились в регионах верхнего Донца и нижнего Дона, а также и на Северном Кавказе. Хорошо известно, что скандинавские саги полны легенд об асах. Эти асславяне приветствовали варягов, видя в них защиту от мадьяр. В течение VIII в. отряд скандинавов, а более точно — шведов, установил контроль над районами нижнего Дона и Приазовья. Примечательно, что, согласно «Саге об Инглингах», частично включенной в *Heimskringla* Снорри Стурлусона (XIII в.), эта территория была известна как Великая Швеция (*Svitjort en mikia*). Интересно, читал ли её Тур Хейердал, который так увлёкся этим сюжетом, нашего Историка? Во всяком случае, историческое чутьё у норвежского путешественника тоже было недюжинным!

Отряд шведов, контролировавший местные племена асов и рухс-асов (русь), видимо, не был многочисленным, и постепенно шведы не только смешались со своими вассалами, но и приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь²¹.

Как мы знаем, название «русь» тесно связано с названием «ас». Столица скандинавов в Приазовье, Ас-Град, вероятно, находилась близко от «Болотного Города» русов, Малоросы. Дельта Кубани, где были расположены Ас-Град и Малороса, называлась арабскими авторами Русским Островом. Несмотря на то, что азовские скандинавы освоились с именем асов, со временем они приняли назва-

¹⁸ Левинская И. А., Тохтаев С. Р. Менадр Протектор // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). Изд. 2-е, испр. М., 1994. С. 335–336.

¹⁹ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 46.

²⁰ Тихомиров М. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского // Вопросы истории. 1946. № С. 126.

²¹ Vernadsky G. Ancient Russia. P. 268–274.

ние русов, поэтому государство, которое они основали в Азовском регионе, впоследствии стало известно как Русский каганат²². В более позднем труде Историк делает тонкое источниковедческое замечание в адрес зависимости русских летописцев от византийцев. Именно в плане этой зависимости и надо понимать мысль летописца о том, что русь получила название от варягов. Всё было с точностью до наоборот — варяги заимствовали это название! В этой же работе Историк сделал смелое предположение о том, что норманны, алано-асы и тюрки могли подвергаться миксации и гораздо раньше, ещё в глубинах Азии, в «алано-тохарской сфере»²³.

Русский каганат существовал уже в первой половине девятого века; однако, среди исследователей русской истории нет согласия по вопросу его местоположения. Я не хочу «растекаться мызью» по сей архиспорной проблеме. Ограничусь ремаркой глубокого знатока наших южнорусских древностей А. В. Гадло: «Г. Вернадскому на почве Приазовской Руси удалось сконструировать изящную, хотя и эклектическую, гипотезу о существовании Ассо-славяно-норманнского каганата в Тмуторокане, откуда он начинает историю Русского государства»²⁴. Столь же внимательно Историк рассматривает и период, который обозначает как время «образования Киевской Руси (839–878 гг.)».

«А теперь мы возьмем на себя смелость предложить общий обзор образа жизни и цивилизации древнерусских племен», — пишет Историк. Обзор получился интересный и насыщенный: он рассказал читателю и об экономической жизни восточных славян, и об их духовной жизни — традициях и верованиях. Все эти темы получают продолжение и развитие в следующем томе.

Темы данного тома фокусируются на правлении князя Олега. Захват Киева Олегом открывает новую страницу русской истории — период так называемого Киевского государства, или Киевской Руси. В «Происхождении Руси» Историк изучает правление Олега более подробно. Многие его наблюдения представляются весьма интересными, даже захватывающими. Правители Киева стали политическими преемниками русских каганов Тмутораканя²⁵. Использование титула кагана первыми киевскими князьями ясно демонстрирует широту их политических интересов, а также их мечты о создании империи. Новые набеги тюркских кочевников, сначала печенегов, а затем куманов (половцев), отрезали Киев от Приазовья и сделали невозможным осуществление плана создания империи. Положение города как потенциальной столицы империи, таким образом, было подорвано. В свое время утрата Киевом связи с Приазовьем и Северным Кавказом стала одной из главных, хотя и не прямой, причин последующего упадка и окончательного крушения Киевского каганата²⁶.

²² Ibid. P. 275. *Vernadsky G. Byzantium and Southern Russia: Two Notes. II. The Date of the Conversion of the Khazars to Judaism // Byzantion. International Journal of Byzantine Studies. 1940–1941. Vol. XV, Boston, Massachusetts. P. 76–77.*

²³ *Vernadsky G. The Origins of Russia. P. 175–176, 178–180.*

²⁴ Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 43–44.

²⁵ Я употребляю это название в той форме, которую предложил А. В. Гадло.

²⁶ *Vernadsky G. Ancient Russia. P. 370.*

Монография «Киевская Россия» стала второй в серии «История России». Она должна была подвести итоги многолетним исследованиям Историка. В это время Историк уже накопил громадные знания по истории Киевской Руси, прекрасно ориентировался в источниках. В предисловии говорится, что изучение Киевской Руси (т.е. времени от прихода варягов до монгольского вторжения) уже легче, чем в предшествующее время. Но источников всё равно гораздо меньше, чем для изучения Западной Европы. К тому же есть и разногласия научных мнений, к которой Историк обещает добавить ещё и свой голос. Начинается труд с раздумий о месте Киевской Руси в истории. Историк сразу ставит вопрос ребром: Европа ли Россия? Казалось бы, вопрос уже навяз в зубах, но без него — никак! Ответ — да, в том смысле, что древнерусская цивилизация имела множество контактов с европейской культурой — даже в германо-романской интерпретации — начиная со Средних веков. Нет, в том смысле, что Россия сама по себе — целый мир, целый субконтинент не только географически, но и политически и культурно.

Проанализировав в целом международное положение Руси, Историк пришёл к выводу, что оно в киевский период было благоприятно для нее на юге, менее благоприятно на западе и совершенно неблагоприятно на юго-востоке, где постоянные набеги кочевников подтачивали ее силы и истощали ресурсы²⁷.

Рассуждая далее о сходствах и различиях в истории Запада и России, Историк ставит под сомнение универсальное деление человеческой истории на древность, средние века и новое время. Такая периодизация годится только для Европы, а Русь из неё выпадает. В Европе средние века были, прежде всего, периодом феодализма. В Киевской Руси монетарная экономика превалировала над натуральным хозяйством, а по контрасту с Западом не феодальный манор, а город был доминирующим фактором экономического и социального развития. В то же время было и много общего в праве, управлении. Правда, и в этих сферах Историк подчёркивает влияние на Руси городской жизни.

Историк выступает против пренебрежительного отношения к истории Восточной Европы. И если великого Гегеля он ещё готов простить, то американскому политологу Джону В. Бургессу, который в своей книге с большим скепсисом отозвался о политических способностях греков и славян, сильно досталось. Подумав над тем, что такое Восточная Европа и как с ней соотносится Россия, средневековая и современная, Историк пришёл к выводу, что с геополитической точки зрения Киевская Русь может быть определена не только как Восточная Европа, но и как «западная Евразия». Это обусловило те геополитические вызовы, на которые пришлось отвечать Киевской Руси. Главная её беда была в том, что с точки зрения геополитической теории русские не контролировали весь «heartland», т.е. центральную, основную часть выпавшей им территории. К этому добавились натиски и с запада, и с востока, которых Русь уже не выдержала. Урок, который русские извлекли из монгольского ига — обезопасить себя от кочевников можно только контролируя всю Евразию. В дальнейшем силы и народы, и государства были на это направлены.

Говоря о значении эпохи Киевской Руси в российской истории, Историк вспомнил об устойчивом представлении Запада о России как о царстве автокра-

²⁷ Vernadsky G. *Kievan Russia*. New Haven, 1948. P. 3–4, 6.

тии и крепостничества. Этого нельзя сказать о всей истории России, и тем более о Киевской Руси, которая была страной свободных политических институтов и свободной игры политических сил. И, несмотря на то, что в этой жизни было много недостатков, Киевская Русь очень тепло воспринималась народной памятью. В Киевской Руси было нечто такое, что заставляло забыть негативную сторону и помнить только о достижениях. Это нечто было духом свободы — индивидуальной, политической и экономической, и по отношению к которому московский принцип полного подчинения индивида государству являл из себя разительный контраст²⁸.

Первая глава книги имеет примечательное название: «Имперский план и его неудача, 878–972». Были тут и свои мечты, и свои реалии. Мечтой скандинавских правителей Киева было создать огромную империю от Балтийского моря и до Чёрного, и от Карпатских гор до Каспийского моря. Первый успех был достигнут при Олеге. Здесь, собственно, Историк повторяет уже сделанные им наблюдения в «Древней Руси». Он акцентирует это в «Происхождении Руси»: договоры Олега с Византией открывают новую эпоху в истории Руси. Когда Историк взирает на весь X век, он видит динамический характер развития экономики и политики Руси, мощную работу биологических и социальных сил, длительный конфликт между безрассудно смелой группировкой, мечтающей о новых завоеваниях, и консервативными элементами, которые хотят сохранить и преумножить то, что уже добыто²⁹.

Первое затруднение в осуществлении имперского плана возникло уже при Игоре Старом. Историк начинает рассказ о его правлении с описания полюдья, да и самого «государства», взятого им у Константина Багрянородного. Историк подходит к свидетельствам древнего писателя критически, полагая, что политическая структура Киевской Руси была сложнее, о чём свидетельствуют другие источники. Он анализирует военные кампании Игоря, начиная с анатolianской (нападение на Каспийское побережье, по его мнению, совершили воины Русского каганата в Тмуторокане)³⁰. Важнейшим результатом активности Игоря стало подписание нового договора с Византией (945 г.), который подтвердил и расширил договоры 907 и 911 гг., а гибель Игоря может многое сказать о характере управления русской администрации этого времени³¹.

Далее Историк рассматривает политическую историю Киевской Руси, спокойно и внимательно, внося свои интересные наблюдения. Политика Ольги, Святослава и Владимира, крещение Руси — всё это подаётся очень свежо и интересно. Эта часть работы привлекает не только событийной историей, но и вкладом в теорию политогенеза. Кроме того, в отличие от советской исторической науки тех лет, Историк весьма внимателен к церковным делам.

Итак, на Руси существует автокефальная архиепископия, авторитет которой практически равен патриархату. Он выше авторитета митрополита, подчинённого, как известно, патриарху. Более того, Историк властную церковную функцию отводил самому Владимиру. Все эти наблюдения подтверждает тонкий

²⁸ Vernadsky G. *Kievan Russia*... P. 18.

²⁹ Vernadsky G. *The Origins of Russia*. P. 261–262.

³⁰ Vernadsky G. *Kievan Russia*. P. 31; Vernadsky G. *The Origins of Russia*. P. 263–264.

³¹ Vernadsky G. *The Origins of Russia*. P. 270–271.

и дотошный анализ Устава Владимира, над которым поработали позднейшие переписчики³². Ситуация с церковным управлением меняется только при Ярославе, когда в борьбе со своим братом Мстиславом он создаёт митрополию в Киеве. Христианизация Руси — одно из самых значимых событий русской истории. Это не было чисто религиозное событие — это означало новую стадию цивилизации для Руси³³.

Интересно описание Владимира — христианского правителя, хотя, как мне представляется, Историк несколько торопит события. Можно ли от знаменитых пиров Владимира отнять их языческую составляющую? Можно согласиться с тем, что Владимир изрядно постарался в трёх сферах: строительстве церквей, развитии образования и благотворительности, но пиры, те самые пиры, о которых сам Историк пишет, что они с незапамятной древности играли выдающуюся роль в социальной жизни Руси, вряд ли изменили свою сущность³⁴. Разве только несколько переориентировавшись на то, чтобы привлекать ещё незрелых русских христиан. Впрочем, с тем, что его «внешняя политика» в это время не была агрессивной, вполне можно согласиться. При этом, следуя примеру отца, отдалёнными городами Владимир управлял посредством сыновей и наместников³⁵.

Правление Ярослава Мудрого было продолжением предшествующих. При нём определилось положение русской церкви — прибыл митрополит из Византии, что, впрочем, не помешало русско-византийским отношениям в скором времени испортиться. Дело не ограничилось войной 1043 г., по поводу которой есть разные версии и в источниках и в историографии³⁶. В 1051 г. Ярослав принял смелую попытку придать самостоятельность русской церкви и избрать своего, русского митрополита. Ярослав к тому же постарался сделать Киев не только центром политическим и религиозным, но и культурным средоточием. Хотя, судя по всему, в отличие от советских (и современных украинских) историков, Г. В. Вернадский не склонен преувеличивать масштабы этой деятельности князя³⁷.

Полагаю, что Историк очень чутко уловил характер знаменитого завещания Ярослава. По его мнению, формального разделения государства не было, так как только великокняжеский престол в Киеве наделялся основной политической властью. Была лишь установлена иерархия политического старшинства русских городов для соотнесения с генеалогическим старшинством князей. Общее правление Русью потомками Ярослава — базовый принцип русской политики в это время³⁸.

Не буду следить вместе с Историком за перипетиями политической борьбы между князьями. Отмечу лишь его наблюдение о значимости Любечского съёма: «Хотя принцип старшинства и не был аннулирован, теперь признавались

³² Vernadsky G. The Status of the Russian Church during the First Half-Century following Vladimir's Conversion // Slavonic and East European Review. 1941. N 20. P. 304, 305–310.

³³ Vernadsky G. Kievan Russia... P. 69.

³⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории.

³⁵ Vernadsky G. Kievan Russia... P. 72–74.

³⁶ Vernadsky G. The Russo-Byzantine War of 1043 // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. XVIII. Athens. S. 123–143.

³⁷ Vernadsky G. Kievan Russia... P. 77–81.

³⁸ Ibid. P. 83–84; Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia... P. 54.

особые права каждой княжеской ветви на наследство отцов. Таким образом, на съезде в Любече старались учесть притязания каждого, и можно было надеяться, что определенный, пусть даже невысокий, уровень стабильности достигнут»³⁹.

Интересны страницы книги, посвященные Владимиру Мономаху, хотя я не со всем согласен с трактовкой событий 1113 г.⁴⁰ Историк полностью прав, когда говорит, что это был серьёзный политический и социальный кризис. Можно спорить о мотивах первоначального отказа Мономаха прийти на княжение, но дело не в них. Думаю, что зря Историк пытается выделить в событиях аристократическую и демократическую партии, напрасно он видит стремление лидеров этой самой «демократической» партии отнять богатства у неких «высших классов». Этого ещё не было... А то, что движение не являлось антисемитским — это верно.

По мысли Историка, Мономах действовал в интересах «низших классов» не только из-за своей просвещённости в делах правления, но и из-за своего глубокого христианского духа. И далее на основе знаменитого «Завещания» Владимира Мономаха рисуется яркий портрет этого князя, которому был совершенно чужд феодальный дух рыцарской славы⁴¹. Интересный штрих: будучи сыном византийской принцессы, он дружески относился к Византии и поддерживал грекофильские тенденции русской церкви. Представляется, что власть киевских князей в 1160-е гг. снова окрепла. Суздальский князь Андрей Юрьевич спал и видел, чтобы вмешаться в киевские дела⁴².

Но единство, поддерживавшееся всемерными усилиями, но с умеренным успехом, таким выдающимся правителем, как Владимир Мономах, и его первыми двумя преемниками, окончательно рухнуло со смертью Ярополка II в 1139 г. Теперь каждая княжеская ветвь дома Рюрика пытается обеспечить себе главенство, но ни одна из них не была достаточно сильна или популярна в национальном масштабе, чтобы достичь своей цели. Время от времени князья образовывали временные союзы — одна группа против другой; реже делались попытки создать национальную коалицию для противостояния опасности, такой как вторжение степных народов. Однако подобные коалиции существовали недолго, и немногие из них добивались тех целей, для которых были сформированы. С реалистической точки зрения Русь этого периода состояла из нескольких разных государств.

И, тем не менее, несмотря на все княжеское соперничество и постоянные междоусобные войны, оставалось слабое ощущение изначального единства Руси как таковой. С точки зрения психологической, даже в этот период очевидного разъединения Руси оставалось нечто вроде федерации, очень непрочной федерации, конечно, но, тем не менее, это было не просто механическое скопление совершенно независимых государств. Несмотря на это, несомненно, что в то время как при Ярославе Мудром и даже при Владимире Мономахе центростремительные силы преобладали над центробежными, теперь отношение между ними стало обратным. Каковы были причины этой перемены?

³⁹ Ibid. P. 90.

⁴⁰ Ср.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 50–60.

⁴¹ Vernadsky G. Kievan Russia... P. 93–96.

⁴² Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia... P. 76.

Причина дезинтеграции только на первый взгляд в князьях... За князем стояли другие, более могущественные силы. Чаще всего межкняжеское соперничество было внешним выражением куда более глубокого соперничества между городами и княжествами, причём мотивы этого соперничества были многочисленны и разнообразны: зачаточные этнические разногласия, рост региональной торговли, рост боярского слоя в каждом из княжеств. С другой стороны, конечно, надо признать, что социальное и политическое развитие отдельных княжеств было важным фактором в новом политическом устройстве. Провинциальное общество быстро развивало свою материальную и духовную культуру, и каждый город и княжество теперь считали себя самостоятельными как в экономическом, так и в культурном отношении.

Таким образом, как это ни парадоксально, политическая слабость Руси в этот период явилась частично результатом ее экономического и культурного развития. Если это была болезнь, то она сопутствовала развитию возраставшей демократии. Возможно, что со временем Русь могла бы достичь нового политического и экономического единства на демократической основе, но монгольское вторжение положило конец любым возможностям для разрешения кризиса⁴³.

Историк даёт блестящий очерк внутри- и внешнеполитических отношений Руси в это время. В экономическом отношении в центре борьбы было удержание торговых путей. Одна группа князей была заинтересована в контроле центральной сухопутной дороги с запада на восток — из Галича в Суздаль. Другая группа неистово пыталась восстановить старый речной путь в Византию — из Новгорода через Смоленск и Киев к Черному морю. В культурном смысле главной проблемой стала автономия русской Церкви, вопреки ее подчинению Константинополю. В политическом отношении раздоры между князьями усугублялись вмешательством византийской дипломатии и тесными связями князей каждой из враждующих групп с определенными иностранными силами, такими как половцы, Венгрия, Византийская и Священная Римская империи.

Русские войны конца 40-х — 50-х гг. XII в. вписались в общую картину дипломатического и военного конфликта в Европе этого периода, и без этого их значение не может быть понято должным образом. Что касается русской почвы всех этих запутанных событий, то старая вражда между домом Мономаха (Мономашичами) и домом Олега (Ольговичами) теперь усугубилась из-за раскола между самими Мономашичами, из-за чего Ольговичу — князю Всеволоду удалось захватить киевский престол вскоре после смерти Ярополка II. В 1169–1222 гг. было равновесие между восточной и западной Русью.

Историк рассмотрел проблему защиты границ Руси, отметив условность самого понятия «граница» для того времени. С середины XI в. вплоть до монгольского вторжения в южнорусских степях господствовали половцы. Сама политическая ситуация на Руси способствовала этому господству, провоцировала вторжения. В начале XIII века русские были готовы к тому, чтобы установить стабильные отношения с половцами. Историк рассмотрел отношения Киевской Руси с Венгрией и Польшей, русско-литовские отношения⁴⁴, возрастание немецкой угрозы и т.д. Вторжение монголов всё изменило.

⁴³ Vernadsky G. *Kievan Russia...* P. 214–216.

⁴⁴ Ibid. P. 217, 223.

Если мы оглянемся на четырнадцатилетний временной промежуток между битвой на Калке и вторжением Батые, мы, будучи на девятьсот лет мудрее, не сможем скрыть того чувства, что Русь жила на время, как бы взятое взаймы, не вполне отдавая себе в этом отчет. Историк считает, что тогда была подготовлена почва и для постепенного восстановления всерусского союза; во всяком случае, политическая ситуация выглядела значительно лучше, чем в конце XII в. Однако надпись уже была на стене, хотя русские и не видели ее. Вскоре монгольское вторжение разбило на куски всю политическую и экономическую структуру Киевской Руси.

Политическую историю Киевской Руси не понять без изучения её экономических основ. Здесь Историк, как всегда, выступает третейским судьёй. Ведь есть две противоборствующие концепции: Ключевского, который основой экономики считал внешнюю торговлю, и Грекова — сторонника господства сельского хозяйства, сводившего внешнюю торговлю к нулю. Истина — посередине, Историк находит доказательства и в пользу развития сельского хозяйства, и в пользу внешней торговли. Все «империи» Евразии существовали во многом за счёт торговли. При этом он подмечает, что как раз во внешней торговле продукты сельского хозяйства использовались мало. Так, что здесь был прав Ключевский. Наблюдения Историка крайне важны. Мне лично понравилось определение одного специалиста в области исторической географии: у славян была «комплексная экономика».

Историк тонко уловил мотивы Грекова: поскольку сельское хозяйство составляет основу феодализма в Западной Европе, его развитие в Киевской Руси неопровержимо доказывает полную феодализацию страны в этот период. Признание же первостепенного значения внешней торговли, с точки зрения Грекова и его школы, поставило бы под угрозу всю схему⁴⁵.

С большим знанием дела оценив ресурсы Киевской Руси и, весьма предположительно, количество населения, Историк переходит к характеристике охоты, бортничества (ему приходится определить его как «apiculture», т.е. «пчеловодство») и рыбной ловли. «Не только в лесах, а также и в степях держались неисчислимые богатства зверя и птицы», — писал он в более ранней работе, рассуждая о характере «использования естественных богатств страны в древности⁴⁶. Затем следует характеристика сельского хозяйства (agriculture) и скотоводства. Этим подход Историка выгодно отличается от того, что был в советской историографии (напомню, что это ведь 1948 г.!). С лёгкой (или тяжёлой) руки вышеупомянутого Грекова, советская историческая наука так увлеклась сельским хозяйством, что об охоте и рыбной ловле совсем забыла. Лишь позже появились работы, посвященные охоте, в частности, В. В. Мавродина.

Дав репрезентативную характеристику сельскому хозяйству, Историк сделал сомнительный вывод: хотя на Руси киевского периода существовали хозяйства разных размеров, основной объем сельскохозяйственной продукции, несомненно, производился в крупных поместьях. Они были трех видов: принадлежавшие князьям, боярам и представителям других классов, церкви⁴⁷. Хотя тут же признал, что сведения об их устройстве немногочисленны.

⁴⁵ Ibid. P. 101.

⁴⁶ Вернадский Г. В. Звенья русской культуры... С. 124–127.

⁴⁷ Vernadsky G. Kievan Russia... P. 110–111.

В книге есть довольно краткая, но емкая характеристика древнерусского ремесла и торговли. Главный фактор развития внутренней торговли в Киевской Руси, как и в других странах, можно усматривать в различии природных ресурсов страны. Социальную важность внутренней торговли в Киевской Руси наилучшим образом можно оценить, исследуя роль рыночной площади в жизни города и окружавших его сельских районов. Причём, рыночная площадь была тесно связана и с политической жизнью: на ней делались все официальные заявления, собиралось вече.

Проанализировав направления и товары внешней торговли, Историк сделал вывод о том, что Русь посылала за границу в основном — если не исключительно — сырье, а получала из заграницы готовую продукцию и металлы. Не обошёл он вниманием и купеческие объединения на Руси⁴⁸.

Рассказывает Историк о деньгах и кредите, который играл выдающуюся роль в развитии торговли, особенно внешней. Вот почему в законодательстве уделено такое внимание займам и процентам по ним. Начальное накопление капитала и было, в основном, результатом торговых сделок, хотя капитал мог состоять из земли, денег, рабов, скота, пасеки, охотничьих и рыболовных угодий и т.д. В этом смысле, и с необходимыми оговорками, мы можем говорить о строе киевской экономики как о торговом капитализме. Хотя в «Звеньях» Историк писал: «несмотря на значительное развитие торгового обмена в древней Руси, основным фундаментом хозяйственной жизни этого периода всё же следует признать добывающую промышленность — использование животных богатств страны, скотоводство и земледелие»⁴⁹. Впрочем, был и другой важнейший источник капиталов: военные трофеи и дань.

Понятие «труда» в современном значении «труд и капитал» вряд ли применимо для этого времени, хотя использовался и наёмный труд. Историк, рассуждая об экономике, попытался даже высчитать объём национального дохода. По стандартам средних веков, объём валовой продукции в экономике Киевской Руси был, безусловно, впечатляющим. Больше того, объём чистой продукции Руси покрывал потребительские потребности основной массы населения и удовлетворял запросы богатого меньшинства в предметах роскоши, по крайней мере, частично.

Завершают раздел посвящённый экономике наблюдения над подъёмами и депрессиями в Киевской Руси на основе данных П. Н. Савицкого. Оказалось, что большинство периодов подъема можно связать с колебаниями в русской политической истории. Княжения Владимира I, Ярослава I, Владимира II и Мстислава I в XI и первой половине XII вв., а также времена княжений Святослава III и Рюрика в Киеве (1178—1202 гг.), сыновей Всеволода III в Суздале (1218—1227 гг.) являются периодами наибольшего подъема экономики.

Далее в поле зрения Историка оказались социальные отношения. Приступая к этой сложнейшей теме, он в первую очередь рассмотрел «основные социальные объединения». Небольшой, но насыщенный историографический обзор бросает читателя в гущу спора о родовом и общинном начале в древней Руси. Нельзя установить прямую связь между племенным делением, которое на Руси,

⁴⁸ Ibid. P. 117, 119—121.

⁴⁹ Вернадский Г. В. Звенья русской культуры... С. 151.

кстати, не было стойким и последующим государством. В любом случае, части Киевской Руси (города-государства и княжества) только частично совпадают с прежним племенным делением. Но если не род и племя, то что же? Историк берёт на вооружение задругу, которую наиболее чётко увидел в Киевской Руси один из его учителей — А. Е. Пресняков. Такие задруги (под другими названиями) известны в России вплоть до революции 1917 г. Рассматривает он и другие социальные организмы: вервь, мир, общину, сябров, артель (для древности — дружину)⁵⁰.

Постепенно начинают формироваться социальные классы. Уже в глубокой древности находит Историк их зарождение — появление аристократии. Происходила дифференциация и разных племён, племена оказывались в разном положении, что тоже влияло на процессы дифференциации. В древнерусском обществе не было таких социальных барьеров, как в Западной Европе, хотя общество было по-своему сложным. Здесь не было сословий в позднейшем юридическом смысле этого слова. В самом общем приближении оно делилось на свободных и рабов⁵¹. Но положение свободных было не одинаково — некоторые предпочитали добровольное рабство. Можно говорить о выделении некоей группы полусвободных, о высшем классе и среднем классе в Киевской Руси. В «Русской Правде» можно обнаружить следующие термины: «мужи» для обозначения свободных высшего класса. Впрочем, в специальном изящном этюде⁵² Историк писал, что «мужи» могут означать и всех свободных, «люди» — свободных среднего класса, «смерды» — полусвободных и «челядь» — рабов. Все термины принадлежат к древней индоевропейской основе, в частности, «смерд» — из иранского *mard*.

Высший класс имел гетерогенное происхождение. Это лидеры славянских родов и племён, дружина их, которая делилась на старшую и младшую. Историк анализирует все термины, связанные с древнерусской знатью, и очень важно, что у него здесь всё, как всегда, — в динамике, развитии⁵³. В более ранней работе он высказал интереснейшую мысль о том, что в самой среде этих «высших классов» по-прежнему сохранялся родовой порядок, родовые связи отнюдь не ослабевали. И именно на этом была основана власть главного рода — княжеского рода Рюриковичей.

Россию всегда упрекали за недоразвитость средних классов. Но уж к Киевской Руси это точно не относится, хотя состав общественной среды в древней Руси трудно поддаётся точному определению. «Люди» составляли большинство городского населения. Новгородское деление на «житых» и «молодших» (чёрных) характерно для всех городов Руси. Причём, «люди» не исчезают на протяжении XII в. — их потомками были новгородские своеземцы и в XV в.

⁵⁰ Vernadsky G. *Kievan Russia...* P. 123, 128, 129, 131–135. См. также: Вернадский Г. В. *Звенья русской культуры...* С. 154–161.

⁵¹ «Русское общество X в. состояло из свободных людей. Не было непреодолимых барьеров между различными группами свободных», — писал Историк в другой работе (Vernadsky G. *The Origins of Russia*. P. 288).

⁵² Vernadsky G. *Three Notes on the Social History of Kievan Russia // Slavonic and East European Review. American Series. Vol. 3. No. 4. December 1944. P. 86.*

⁵³ Vernadsky G. *Kievan Russia...* P. 136, 137–140.

Если «чёрные» люди были низшим классом в городах, то основу среднего класса сельской местности составляли смерды, которых можно с определёнными оговорками считать государственными крестьянами: поскольку свобода их была ограничена князем, а в Новгороде со Псковом — и городом. Полуосвободными были закупы, изгои, вдачи⁵⁴. Они не очень-то вписываются в феодальное общество (если бы оно было) по самому характеру своей зависимости. Пристальное внимание Историк уделил рабам: терминам, которые с ними связаны, и их положению. Отдельная категория населения — церковные люди. Мне его наблюдения кажутся убедительными — жаль, что они не вошли в своё время в «контекст» советской исторической науки. Но это — не по вине Историка. Зато позже все эти идеи нашли воплощение в трудах И. Я. Фроянова.

А каково было положение женщины в Киевской Руси? Русские женщины этого времени пользовались значительной свободой и независимостью, как в правовом, так и в социальном плане, и демонстрировали дух самостоятельности в различных аспектах жизни⁵⁵. После принятия христианства ситуация стала сложнее. Доктрина Церкви унижала и возвеличивала женщину, и в этом смысле поддерживала как позитивное, так и негативное отношение к женщине в России. В любом случае права женщин не были забыты.

В отдельную социальную категорию можно выделить обитателей степей, например, бродников, обосновавшихся в низовьях Днепра. В основном, на степном пограничье селились и «свои поганые». Были и «национальные меньшинства»: финны, литовцы. Большую роль в жизни южной Руси играли евреи. Еврейские колонии существовали на Тамани и в Крыму, начиная с V в.н.э., если не раньше. Появление их на Руси во многом — результат хазарской экспансии. Были связи и с народами Северного Кавказа, представители которых служили в княжеских дружинах, селились на Руси.

И вот итоги экономического и социального развития. Хронологически Киевская Русь вписывается в X, XI и XII века. Это время расцвета в Западной и Центральной Европе феодализма. Велик соблазн поместить Киевскую Русь в ту же категорию и охарактеризовать ее социально-политический режим как феодальный.

Сделав некое историографическое вступление, Историк пытается разобратся в туманной проблеме: что такое «феодализм». Уже в 30-е годы Историк давал сжатую, но яркую характеристику западного феодализма, отмечая при этом, что за основу берёт континентальную Европу, оставляя в стороне английский феодализм⁵⁶. Он считает, что это понятие может использоваться в специфическом (узком) и широком значении. В первом значении его обычно применяют к странам Западной Европы, а во втором — его можно отнести к определённым тенденциям развития в любой стране, в любое время. В общем, в ход идёт и Допш, и «Малая Советская Энциклопедия» и злополучные замечания Сталина, Кирова, Жданова. В многочисленных дискуссиях, работах Грекова и Юшкова у советских историков родилась идея о том, что Киевская Русь — не рабовладельческое, а феодальное государство.

⁵⁴ Vernadsky G. Three Notes on the Social History of Kievan Russia... P. 81–92.

⁵⁵ Vernadsky G. Kievan Russia...P. 154.

⁵⁶ Vernadsky G. Feudalism in Russia // Speculum. Vol. 14. No. 3. July, 1939. P. 304.

Историк ведёт с ними отнюдь не только терминологический спор. В определенном смысле рост манора может быть назван свидетельством роста феодализма⁵⁷. «И можно согласиться с советскими историками, что манориальная власть князей и бояр постоянно увеличивалась в Киевской Руси. Я даже, более того, готов признать полностью новизну подхода советских историков к изучению экономического и социального развития Киевской Руси, равно как важные достижения в их исследованиях», — писал Историк⁵⁸.

И дальше Историк разбирает этот самый манор, и какую роль он играл на Руси. Я, естественно, не могу здесь воспроизводить его доказательную базу. Любопытный читатель может обратиться к самому сочинению. Меня его доказательства вполне убеждают. Он приходит к выводу о том, что крупное землевладение в Киевской Руси имело, возможно, бо́льшее сходство с римской *латифундией*, чем с феодальной *сеньорией*⁵⁹. Мне только кажется, что он вместе с советскими историками 30–40-х гг. преувеличил степень развития этого крупного землевладения. Мне ближе формулировка, предложенная И. Я. Фрояновым, о том, что крупное землевладение (манор, вотчина — назовите как хотите) было островком в море свободного общинного землевладения. В. Б. Кобрин, кстати, распространил это наблюдение и на последующую (XIV–XV вв.) Северо-Восточную Русь.

В работе 50-х гг. Историк вновь рассматривал проблему феодализма и крепостничества в сравнительно-исторической перспективе. На Западе крепостничество вырастало из древнего рабства, проходя стадию колоната. Иначе обстояло дело в России: ни в средние века, ни в раннее новое время крепостничество не вырастало из рабства и не сменяло его. Рабство существует до начала XVIII в., а крепостничество, появляясь в конце XVI столетия, затрагивает свободных людей. Активную роль в установлении крепостничества будет играть государство, так что ранние его проявления можно назвать государственным крепостничеством. Ростки такого явления Историк наблюдает в седой древности, где славянские племена оказывались подвластными аланам, потом готам, затем мадьярам. Получило оно развитие в Киевской Руси, где такими плательщиками дани были смерды. Новые формы государственного крепостничества были принесены на Русь монголами: каланые, ордынцы и проч. В общем, крепостничества в Киевской Руси не было⁶⁰.

От экономики Историк перешел к политике, вернее к правительству и управлению. От книги к книге, от статьи к статье многое уточнялось, додумывалось. Историк отмечает разнообразие терминов, обозначающих «государство»:

⁵⁷ Ср. в более ранней работе: «Рост манора делал социальный режим средневековой Руси в чём-то близким феодализму стран как Западной, так и Центральной Европы» (*Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia...* P. 82).

⁵⁸ *Vernadsky G. Kievan Russia...* P. 166–167.

⁵⁹ В более ранней работе Историк не употреблял понятие «манор». Вполне в духе прежней русской историографии он предлагал вместо термина «экономический феодализм» употреблять понятие «вотчинный строй», который развивался с помощью отчасти разложения, а отчасти подчинения себе общинного порядка (*Вернадский Г. В. Звенья русской культуры...* С. 163).

⁶⁰ *Vernadsky G. Serfdom in Russia // Relazione del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche (Rome). Storia del Medioevo. Vol. III. G. C. Sansoni – Editore. Firenze, 1955. P. 250–251, 270.*

«земля», «волость», «княжение». Это соответствует гетерогенной природе Киевского государства, которое состояло из нескольких «земель», сначала объединенных под властью киевского князя, а позднее управлявшихся собственными князьями. В X в. «государство» — в сущности, диктатура сильной военной группы, представляющей русское племя, накладывающаяся на несколько других племён, славянских и финских, в виде даннической зависимости. Образец этого правления близок военным королевствам восточной Европы и западной Евразии, включая гуннов, авар, и хазар. Русская система дани была близка хазарской, систему могли заимствовать, а потом распространить и на новые племена.

Ядро «государства» — регион среднего Днепра, земли полян и северян. Это русская земля в собственном смысле этого слова, «Росиа» Константина Багрянородного. Вокруг лежали «внешние земли», по терминологии того же Константина. Постепенно они получали больше прав и сливались с «ядром»: шёл процесс создания русской федерации во главе с киевским князем. Этот процесс более или менее закончился к середине XI в. Процесс трансформации даннического «государства» в такую федерацию хорошо виден на примере Новгорода и земли словен. Историк показывает, как постепенно менялся статус Новгорода и земли словен, как постепенно уходила дань, уступая место новым, «федеративным отношениям»⁶¹. Тмутороканский каганат постепенно растворился в этой новой структуре.

Каждая «земля» концентрировалась вокруг столицы — «города». Все остальные города в земле считались только «пригородами» — так сказать, меньшими городами. Сельские районы были известны как «волости». Этот термин, в его абстрактном значении обозначающий «власть» и «правительство», а более конкретно — государство или даже данное государство, страну, использовался для обозначения сельского района, потому что он управлялся столичным городом. «Володети» — глагол того же корня — обозначал как «править», так и «владеть». Таким образом, по существу, каждая древнерусская земля была городом-государством в классическом смысле этого термина. С приходом Рюрика в Новгород, а позднее — Олега в Киев, княжеское господство было наложено на подобную систему городов-государств.

Сразу надо отметить, что Историк придерживается той теории городов-государств на Руси, которая восходит к Ключевскому и излишне удревяет их историю. Более адекватный вариант предложил Пресняков, который считал, что города-государства возникали на обломках племенного строя⁶². Но с тем, что княжеский двор становится центром управления, вполне можно согласиться. Вряд ли только стоит объяснять это влиянием Хазарии...

Первоначально «земли», из которых состояло Киевское государство, частично совпадали с племенными группами. Киевская земля находилась под непосредственным господством правящего князя; во всех других землях князя представлял его заместитель, обычно — один из его сыновей, реже — боярин⁶³.

⁶¹ Vernadsky G. The Origins of Russia. P. 277–279.

⁶² См. подробнее: Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства.

⁶³ Vernadsky G. Kievan Russia... P. 173–174, 175.

После смерти Ярослава земли были распределены и перераспределены между его наследниками, и, вследствие падения авторитета киевского князя, сначала каждая группа земель, а затем и каждая земля стала отдельным княжением. К концу XII в. окончательно оформились десять земель: Киевская, Новгородская, Суздальская, Рязанская, Переяславская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Волынская и Галицкая. В каждой из них укрепилась отдельная ветвь дома Рюрика, за исключением Новгорода, где князь свободно избирался из членов княжеской семьи.

Историк вновь возвращается к объяснению термина «русь», который, как мы видели, был связан с пресловутым «Русским каганатом». Но поселения таких «русо антов» существовали также в Киевском регионе — следует принять во внимание название реки Рось. К тому же выходцы из старых шведских русов составляли большую часть дружины первых киевских князей. В виду всех этих обстоятельств название «Русь» стало идентифицироваться с Киевской землей, а в XI в. термин «русин» стал синонимичен понятиям «киевлянин» или «полянин». С распространением господства киевских князей над всеми антскими и словенскими землями название «Русь» перешло за границы Киевской земли и стало прилагаться сначала к Черниговской и Переяславской землям.

Что касается политического устройства, первоначально каждая русская земля состояла из столичного города, малых городов и сельских районов. В большинстве случаев один и тот же столичный город неизменно сохранял свое главенство с X в. вплоть до монгольского нашествия; в отдельных случаях, однако, возникало соперничество между двумя и более городами одной земли, усугубляемое, как правило, тяжбой между князьями, в результате чего столица переносилась из одного места в другое.

Правление русскими землями представляло собой смешение трёх элементов: монархического, аристократического и демократического. Можно сказать, что князь представлял монархическое начало в Киевской Руси, дружина — аристократическое, а вече — демократическое. В правительстве каждой из русских земель были представлены все три начала, но степень важности того или иного из них в различных случаях варьировалась. В конце XII в. монархическое начало стало доминирующим в Суздальской земле, а аристократическое — в Галицкой. В Новгороде в это время расцвела демократия. Было ли новгородское правительство действительно «*politeia*» или демократией с точки зрения аристотелевской терминологии — это уже другой вопрос.

Историк рассматривает эти три составные части правления одну за другой, начиная с монархической⁶⁴. «Князь» — это старославянское слово. Исполнительная власть, охрана социума, суд — вот главные функции князя, а после крещения Руси — еще и защита интересов Церкви. Князь из династии Рюриковичей, писал Историк в другой работе, пришёл на смену норманнским, аланским, славянским правителям. Клан Владимира имел родовой знак в виде трезубца, уходящий корнями в аланскую тамгу. Только суздальские князья, да и то уже в конце XII в., заменили трезубец леопардом⁶⁵.

⁶⁴ Ibid. P. 177.

⁶⁵ Vernadsky G. The Origins of Russia. P. 279–280.

Каждый князь воспитывался кормильцем, зачастую имевшим статус воеводы, посадника. Это было «близкое окружение» князя. Была и своя канцелярия, может быть, государственная казна, которая уже отделялась от личной княжеской сокровищницы.

Историк предполагает, что первые киевские князья считали Русь своей вотчиной, которую они могли завещать и передавать по наследству представителям своего рода. Однако после смерти Ярослава Мудрого престолонаследие регулировалось двумя, на первый взгляд, противоположными принципами: старшинством по рождению и народным избранием. Из этих двух второй фактор не действовал, в то время как первый работал беспрепятственно, и так было до середины XII в. Вступление в престолонаследие каждого из киевских князей в тот период политического мира подтверждалось публичным одобрением как со стороны знати, так и со стороны городского населения, что было своего рода формальностью⁶⁶. Однако даже в этот период население поднимало свой голос всякий раз, когда князь приводил страну к бедственному положению или тем или иным путем притеснял народ.

Начиная с 40-х годов XII в. киевское вече стало играть более активную роль в избрании князя⁶⁷. Каждый киевский князь в этот период должен был приходиться к согласию с вечем. Обе стороны затем «целовали крест», обещая соблюдать условия соглашения. К концу XII в. принцип общего генеалогического старшинства вряд ли играл какую-либо роль в наследовании киевского стола, и даже в других княжествах он был заменен родовыми инстинктами и стремлением каждого могущественного князя обеспечить княжение своим наследникам. Запутанность княжеских требований и взаимных претензий вела к распрям, междоусобным раздорам и братоубийственным войнам, которые были характерны для Киевской Руси и серьезно истощали жизнеспособность «нации». В то же время Историк был не склонен, и отметил это в одной из рецензий, преувеличивать нестабильность древнерусской жизни. «Текучесть» политической жизни этой поры — во многом, оптический обман, возникающий в перспективе последующей «жесткости» московского политического строя⁶⁸.

Князья пытались решать эту проблему снѣмами и некоторыми другими способами, но эффективного результата это не давало. Род князей, кстати, не назывался тогда «Рюриковичами» — это название стали использовать за пределами киевского периода. Тогда князья называли себя Ярославичами, не вспоминая Рюрика⁶⁹.

Аристократическое начало воплощалось боярами⁷⁰, боярским советом, который принято называть боярской думой, но и такого термина в Киевской Руси не было. Хотя боярская дума была постоянным институтом, ее компетенция,

⁶⁶ Впрочем, не такой уж и формальностью: *Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia...* P. 55.

⁶⁷ В более ранней работе Историк был склонен называть такой поворот событий «революцией» (*Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia...* P. 57, 63).

⁶⁸ *Vernadsky G. Review [K. I. Zaitsev. Kievskaja Rus'. Shanghai, 1949. P. IV, 220] // Speculum. Vol. 26. No. 2. April, 1951. P. 435.*

⁶⁹ *Vernadsky G. Kievan Russia...* P. 181.

⁷⁰ О боярах см. также: *Vernadsky G. The Origins of Russia. P. 283–284.*

так же как и ее функции, определялись в большей мере обычаем, нежели законом. Состав боярской думы был столь же неопределенным, как и ее компетенция. Обычай требовал, чтобы князь держал совет только со старыми и опытными людьми. Если князь нарушал это правило, он подвергался суровой критике со стороны, так сказать, общественного мнения.

Историк считает, что была группа княжеских советников и представители городского самоуправления — «старцы градские». В XII в. эти две группы слились воедино. Возможны и другие подходы к этой проблеме. Бояре не были вассалами князей, и в этом важное отличие режима Киевской Руси от западного средневековья. Лишь галицкие бояре пытались трактовать себя в качестве феодальной аристократии⁷¹.

Народное собрание было всеобщим учреждением в древней Руси, как в больших городах, так и в сельской местности. Однако собрание в столице земли представляло собой вече в специальном смысле этого термина, то есть вполне развитый политический институт. Таким образом, по практическим соображениям вече можно определить, с небольшими оговорками, как генеральную ассамблею населения лишь стольного города. Именно город, по мысли Историка, породил на Руси такую форму самоуправления. Города вообще способствовали консолидации киевской федерации⁷².

Право голосовать имели одни мужчины, и только главы семей. Это не значит, что холостяки принципиально исключались, но голоса неженатых сыновей, живших в отцовском доме, не подсчитывались. Холостяк, живущий сам по себе, являлся членом собрания. Обычай требовал, чтобы решение было единогласным. Небольшое меньшинство должно было подчиниться большинству. Когда не было четкого большинства, две разошедшиеся во взглядах партии спорили часами и часто развязывали драки. В таких случаях либо не приходили ни к какому решению, либо, наконец, одна сторона брала верх, и меньшинству приходилось неохотно принимать неизбежное.

Вече имело свой голос в решении вопроса о престолонаследии, поддерживая или выступая против кандидата с точки зрения интересов города, и в определенных случаях даже требовало отречения князя, уже находящегося у власти. В обычные времена оно сходилось во мнениях с князем и боярской думой по всем главным вопросам законодательства и общего управления. Реже оно действовало как верховный суд.

На вопрос, была ли представительская власть на Руси, Историк решительно отвечает — нет. Русские демократические институты киевского периода относились к классическому греческому типу — к типу непосредственной демократии. Предполагалось участие всех граждан в собрании, и это привело к тому, что граждане стольного города находились в привилегированном положении, поскольку только они физически могли участвовать в вече. Таким образом, стольный город политически доминировал над пригородами. Население последних собиралось для обсуждения местных дел, но такие собрания не имели политической важности. Не было попыток организовать вече на представительской основе, через делегатов как из столицы, так и из пригородов. Не предпри-

⁷¹ Vernadsky G. Kievan Russia... P. 184.

⁷² Vernadsky G. The Origins of Russia. P. 281, 287.

нималось также усилии для улучшения функционирования веча столицы, создав городской дом представителей. Есть только одно сообщение под 1211 г. о Суздальской земле, которое, вроде бы, свидетельствует о представительском эксперименте. Но сообщение слишком туманное⁷³.

Княжеская администрация имела двойственный характер: в ней были люди, назначенные князем и избранные общиной, во всяком случае, в древние времена. В основе администрации лежала древняя десятичная система, известная многим народам. На Руси она начинается, скорее всего, с гуннской эпохи. Во главе этой системы был тысяцкий. Он сначала избирался народом, а потом назначался князем, но в любом случае, если тысяцкий пренебрегал мнением народа, горожане призывали его к ответственности за действия, направленные против их интересов, и в некоторых случаях выражали свое недовольство достаточно сильно.

Историк рассматривает отрасли управления. Вся княжеская семья в целом — «Дом Рюрика» — должна была обеспечиваться из государственного дохода, и каждый член семьи требовал свою долю. Обычным способом удовлетворения требований членов княжеской семьи было закрепление за каждым определенного района или города для обеспечения их существования («кормления», или «утешения»). Именно в этом смысле нам следует толковать замечание летописца, что Вышгород был собственным городом княгини Ольги, и подобные же утверждения о других князьях.

В этот период было три основных источника государственного дохода: прямые налоги, доходы с суда и штрафы с преступников за совершение преступления, а также таможенная пошлина и другие налоги на торговлю.

Прямые налоги развились из дани, накладывавшейся на завоеванные племена первыми киевскими князьями. Русская армия в киевский период состояла из двух отдельных частей: дружины князей и главных бояр и городского ополчения. Дружина не была многочисленной, но зато очень действенной, поскольку это был мобильный корпус, состоявший из крепких, хорошо вооруженных и тщательно подготовленных всадников.

Городское ополчение собиралось только для больших кампаний или в случае опасности, такой как необходимость отражения внезапного набега вооруженных врагов. В южнорусских землях проживали несколько групп различных тюркских племен, которые по той или иной причине находились во враждебных отношениях с половцами. Лучше организованными и заслуживавшими наибольшее доверие среди них были так называемые «черные клобуки» (по тюркски — «каракалпак»), расселившиеся в регионе реки Рось в Киевском княжестве.

Каждое русское княжество киевского периода представляло собой, по политической сущности, комбинацию города-государства и княжеской системы управления. В большинстве случаев власть князя, распространявшаяся на город, постепенно стала ведущей. В Новгороде, однако, исторический процесс шел в противоположном направлении, и роль князя там со временем свелась к функциям посредника и мирового судьи, привлекаемого городом. Историк блестяще рисует портрет такого «чистого» города-государства — Новгорода.

⁷³ Vernadsky G. *Kievan Russia...* P. 186–187.

Город Новгород можно было бы назвать содружеством, состоявшим из пяти автономных общин, каждая из которых находилась в одном из пяти «концов», на которые город был поделен. Община каждого «конца» выбирала своего собственного главу, известного как староста; каждый «конец», в свою очередь, составляли «улицы», а те состояли из «рядов». Новгород был, однако, не просто городом; он являлся метрополией государства и распоряжался обширной территорией, простиравшейся от Финского залива до Урала и от озера Ильмень до Белого моря и Северного Ледовитого океана. За исключением зерна, эти земли были богаты природными ресурсами и могли обеспечивать купцов метрополии многими видами товаров для внешней торговли.

Что касается административного деления, то территория новгородского государства была разделена на две отчетливо выделяющиеся части. Его западная часть, наиболее близко расположенная к столице, состояла из пяти волостей, которые в более поздний период стали называться пятинами (от слова «пять»).

Выборная княжеская власть в Новгороде возникла в ходе борьбы с Киевом. Каждый новый избранник, вступавший на княжеский престол, должен был подписывать особый договор с Новгородом. К сожалению, от киевского периода не сохранилось ни одного экземпляра подобного соглашения; самый ранний из известных текстов относится к 1265 г. Однако из летописных свидетельств киевского периода можно восстановить, по крайней мере, четыре важных пункта типичного договора. Государственный суверенитет Новгорода зависел от города, а не от князя. О городе говорили как о «Господине Великом Новгороде». Высшим органом, через который осуществлялся суверенитет, было вече. Как и в других русских городах этого периода, новгородский гражданин имел право голоса на собраниях веча, и — как и повсюду — для принятия всех решений веча требовалось единогласное одобрение.

Двумя главными городскими должностными лицами являлись посадник и тысяцкий. Оба они избирались на вече на короткий срок, точно не установленный, и могли быть переизбраны. Всё это отражалось и в новгородском праве⁷⁴.

Другие структуры управления на Руси — местная община, о которой мы мало знаем, и поместье. Значительное боярское хозяйство было копией княжеского двора в уменьшенном масштабе. Широкое развитие поместного управления относится, однако, к монгольскому периоду, когда великими князьями предоставлялись неприкосновенные дары многим малым князьям, боярам и монастырям. Согласно С. В. Юшкову, боярские имения, видимо, пользовались подобной неприкосновенностью еще в киевский период. Однако ни одного образца жалованной грамоты подобного характера, относящейся к киевскому периоду, не известно. Сохранилось не много таких грамот, дарованных епископам и монастырям, но их вряд ли можно назвать дарами с полной неприкосновенностью. Один из них — это дар князя Мстислава I новгородскому монастырю Св. Георгия, составлявший определенную местность — озеро Буйцы, видимо, с прилегающей полоской земли (1130 г.). Собственность была дарована «с данью, вирой и штрафами».

⁷⁴ Ibid. P. 196–201. *Vernadsky G. Introduction // Medieval Russian Laws. N.Y., 1979. P. 17–19.*

Значение этой фразы требует разъяснения. Вопрос заключается в том, дано ли было монастырю право взимать виру и штрафы, т. е. судить людей, живших в той местности, или монастырь должен был только собирать доход, получавшийся из этого источника. По мнению Историка, следует принять как раз второе объяснение⁷⁵. Исходя из всего сказанного, можно заключить, что помещная власть боярина над населением его владений была очень ограничена. Юридически она распространялась только на его рабов.

Русская Церковь в киевский период являлась автономной организацией, своего рода государством в государстве; у Церкви даже были свои «подданные», поскольку определенные категории людей находились под ее исключительной юрисдикцией. В то же время, не только в соответствии с византийской теорией «симфонии» между Церковью и государством, но и в качестве действующего организма, Церковь являлась важным фактором в развитии русского государства и народа в целом, а также и русской экономики. В положении древнерусской Церкви были яркие особенности.

Своеобразным было и древнерусское право. Социальная единица — община, клан, город, — с одной стороны, и князь — с другой являлись двумя основными факторами в развитии русского права и законодательства. С обращением Руси в христианство появился и третий фактор: Церковь, которая к тому времени уже имела в качестве руководства разработанную систему канонического права. Историк отмечает то, что мы сейчас назвали бы архаикой древнерусского права, огромную роль народа в юриспруденции и праве⁷⁶.

Так был ли феодализм на Руси?⁷⁷ Историк напоминает о том, что он уже пришёл к выводу: развитого феодализма на Руси не было, а был строй коммерческого капитализма, частично основанного на рабстве. Советскую теорию феодализма, основанного на крепостничестве, для Киевской Руси Историк считал попыткой загнать историю в жёсткую схему, игнорируя факты о развитой денежной экономике, базировавшейся не на крепостничестве, а на рабстве⁷⁸.

Впрочем, как в экономике можно найти элементы «экономического феодализма», так и в политике выявляются принципы «сюзеренитета-вассалитета», особенно в начале киевского периода, а потом в Галиции и Суздальской земле. Однако нет свидетельств о существовании двусторонних договоров между сюзереном и вассальными князьями. Более того, федеративная идея равенства всех правящих князей не исчезла полностью. Все князья продолжали думать друг о друге как о «братьях». Идея княжеской солидарности была достаточно сильной, чтобы ее сразу вытеснили новые понятия о сюзеренитете и вассалитете. Никто из них не мог забыть, что все они были «внуками одного деда».

⁷⁵ Vernadsky G. *Kievan Russia*... P. 203.

⁷⁶ Ibid. P. 205–209.

⁷⁷ Vernadsky G. *On Feudalism in Kievan Russia* // *American Slavic and East European Review*. Vol. 7. No. 1. February, 1948. P. 3–14. — Данная статья, по сути дела, часть книги. Есть подзаголовок: «Из готовящейся к выходу книги». См. также: Vernadsky G. *Feudalism in Russia*... P. 306–311.

⁷⁸ Vernadsky G. *Review [Lyashchenko. Peter I. History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. New York: The Macmillan Co., 1949 // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 269. May, 1950. P. 193–194.*

Но что еще более важно, княжеское господство было лишь одним из элементов власти, и никакие перемены в межкняжеских отношениях не могли повлиять на основные принципы города-государства или полностью упразднить авторитет веча. Не только в Новгороде, но также и в Киеве народ в этот период никогда не забывал, что он был наделен основными политическими правами⁷⁹.

К какой социально-политической формации должны мы отнести Киевскую Русь? Очевидно, что она не была феодальным государством, по крайней мере, типично феодальным государством. Но если она не была таковым, то тогда что она собою представляла?

Россия всегда была и остается страной контрастов, и киевская цивилизация с ее соединением рафинированности и первобытности представляет интересный случай. В начале своей истории она очень напоминает коммерческую империю, каковыми были и её предшественники (последняя — Хазарская). Конечно, были и серьёзные отличия — ведь здесь население оседлое. Находясь ещё с языческих времён под культурным влиянием Византии, Киевская Русь в экономическом отношении также имела много общего с ней.

Каждая из русских земель в киевский период была городом-государством сама по себе, и, таким образом, ее можно сравнить с греческим полисом. И в конце концов один из таких русских городов-государств — «Господин Великий Новгород» — сумел создать собственную колониальную империю, имевшую некоторое сходство с Римской. Историк предъявил серьезные претензии советскому историку М. Н. Тихомирову, который безапелляционно сравнивал городской строй Киевской Руси с западноевропейским муниципальным строем, не обращая внимания на фигурировавшие в его же книге сведения о городах-государствах в Киевской Руси⁸⁰.

Киевскую Русь социологически можно связать не только с типом торговой империи кочевников, но в определенном смысле также с тем типом, высшим выражением которого в классической античности была Римская империя, — с «капиталистической» формацией, базирующейся на рабстве. Элементы феодализма были и нарастали с начала XII в., но крепостничества не было — оно запаздывало, что было характерной чертой Киевской Руси. Зато в киевской цивилизации оставалось гораздо больше первобытных элементов, нежели в римской. Другой исторический фон, другие факторы экономического и социального развития, византийское влияние — всё это предопределило значительное различие между Киевской Русью, с одной стороны, и Западной и Центральной Европой, с другой⁸¹.

Вот такая была она, Киевская Русь, по Вернадскому. Я готов под всем этим подписаться и не имею морального права поправлять мэтра, но я бы сделал ещё больший акцент на первобытности. К тому же, византийское право — это уже не классическое римское право, а некая переработка его к византийским реалиям.

Что касается особенностей социополитической и экономической эволюции Киевской Руси — если сравнивать с Западной и Центральной Европой — мо-

⁷⁹ Vernadsky G. *Kievan Russia...* P. 211.

⁸⁰ Vernadsky G. *Review* [M. N. Tikhomirov. *Drevnerusskie goroda* (Ancient Russian Towns) M. V. Lomonosov Moscow University. Moscow, 1946] // *American Slavic and East European Review*. Vol. 7. No. 2. April, 1948. P. 190.

⁸¹ Vernadsky G. *Kievan Russia...* P. 172.

жем ли мы назвать это «развитостью» или «отсталостью»? Было ли «отставание» или преждевременное «ускорение» исторического процесса на Руси? Ответ будет зависеть от индивидуальной точки зрения каждого читателя. На взгляд Историка, достаточно подчеркнуть тот факт, что в этот период была существенная разница в экономическом и политическом развитии между Русью и Европой⁸².

Концепция Георгия Вернадского, на мой взгляд, выгодно отличается от современной ей советской тем, что она не формализована, не скована какими-либо схемами и догмами. Киевская Русь воспринимается им во всей сложности, подход его по-настоящему системен, а сравнительно-исторические экскурсы гораздо более корректны, чем у современных ему советских историков.

Есть и ещё один момент. Если читатель, что называется «в теме», то он, наверное, заметил, что концепции Вернадского очень близка, зачастую даже в деталях, концепция И. Я. Фроянова (конечно, есть и серьёзные различия). В целом, это некий историографический феномен, поскольку историки друг о друге не знали: Вернадский — по понятным обстоятельствам, а Фроянов — из-за ситуации в советской науке и стране. Близость концепций объясняется тем, что восходят они к одному корню — русской исторической науке, подвергавшейся гонениям в советский период. Вернадский был плоть от плоти этой науки, а Фроянов, благодаря твёрдому характеру, да и уже всё-таки изменившемуся времени, смог на новом научном витке к ней вернуться.

Ещё одна блестящая черта концепции Вернадского — его внимание к культуре и повседневности, что стало характерным для научного подхода к Киевской Руси только в наши дни. Однако рассмотрение этой темы уже не вписывается в данную статью, тем более что это потребовало бы внимательного анализа неизвестной нашему читателю книги «Происхождение России». Я, конечно, привлекал материалы этой книги, но её анализ, своего рода загадки, которую она собой являет, потребовал бы отдельной статьи.

Источники и литература:

1. *Bunyan J.* Review [Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia] // American Historical Review. 1936–1937. № 42. P. 708–709.
2. *Halperin Ch. J.* Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden. 1985. Bd. 36. P. 55–194.
3. *Vernadsky G.* A History of Russia. The Blakiston Company. Philadelphia, 1944.
4. *Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia: Two Notes. II. The Date of the Conversion of the Khazars to Judaism // Byzantium. International Journal of Byzantine Studies. 1940–1941. Vol. XV, Boston, Massachusetts.
5. *Vernadsky G.* Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung // Saeculum, 1951. № 2. P. 340–392.
6. *Vernadsky G.* Feudalism in Russia // Speculum. Vol. 14. No. 3. July, 1939.
7. *Vernadsky G.* Introduction // Medieval Russian Laws. N.Y.: Octagon Books, Columbia University Press, 1979.
8. *Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven: Yale University Press, 1948.

⁸² Ibid. P. 212–213.

9. Vernadsky G. On Feudalism in Kievan Russia // American Slavic and East European Review. Vol. 7. No. 1. February, 1948. P. 3–14.
10. Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia. L., Williams and Norgate LTD, 1937.
11. Vernadsky G. Review [K. I. Zaitsev. Kievskaja Rus'. Shanghai, 1949. Pp. iv, 220] // Speculum. Vol. 26. No. 2. April, 1951.
12. Vernadsky G. Review [Lyashchenko, Peter I. History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. New York: The Macmillan Co., 1949 // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 269. May, 1950. P. 193–194.
13. Vernadsky G. Review [M. N. Tikhomirov. Drevnerusskie goroda (Ancient Russian Towns) M. V. Lomonosov Moscow University. Moscow, 1946] // American Slavic and East European Review. Vol. 7. No. 2. April, 1948. P. 190.
14. Vernadsky G. Serfdom in Russia // Relazione del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche (Rome). Storia del Medioevo. Vol. III. G. C. Sansoni – Editore. Firenze, 1955.
15. Vernadsky G. The Eurasian nomads and their impact on medieval Europe (A Reconsideration of the Problem) // Studi Medievali. Serie Terza. Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull'Alto Medioevo, 1963. T. IV.
16. Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford. At the Clarendon Press. 1959.
17. Vernadsky G. The Russo-Byzantine War of 1043 // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. XVIII. Athens. S. 123–143.
18. Vernadsky G. The Status of the Russian Church during the First Half-Century following Vladimir's Conversion // Slavonic and East European Review. 1941. No 20.
19. Vernadsky G. Three Notes on the Social History of Kievan Russia // Slavonic and East European Review. American Series. Vol. 3. No. 4. December 1944.
20. Vernadsky G., Karpovich M. A History of Russia. Vol. I. Ancient Russia. (Vernadsky G. Ancient Russia). New Haven: Yale University Press; London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1943.
21. Банников А. В., Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о Византии и о русских в Крыму (в печати)
22. Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.: Наука, 1990.
23. Вернадский Г. В. Звенья русской культуры. Ч. I. Вып. I. Древняя Русь (до половины XV века) // Вернадский Г. В. Опыт русской истории. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 110–231.
24. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008.
25. Вернадский Г. В. О движении русских на восток (из вступительной лекции, читанной в Санкт-Петербургском университете 2 ноября 1913 г.) // Научный исторический журнал, издаваемый под ред. проф. Н. И. Кареева. 1913. № 1. С. 52–54.
26. Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
27. Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. М.;СПб.: ЕВРАЗИЯ; ИД Клио, 2014.
28. Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. Менаандр Протектор // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). Изд. 2-е, испр. М.: Восточная литература, 1994.
29. Лысенко Н. Н. Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н. э. – II в. н.э. СПб: Фонд Азии и Кавказа «Ариана», 2007.
30. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.
31. Тихомиров М. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского // Вопросы истории, 1946. №4. С. 124–128.
32. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.